

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ
В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО КРАЯ)**

В начале 1930-х гг. политика ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации требовала коренной перестройки сельских советов на новых началах.

25 января 1930 г. Президиум ЦИК СССР подготовил постановление «О новых задачах советов в связи с широко развернувшейся коллективизацией в деревне». В его развитие 3 февраля 1930 г. были изданы Основные положения об организации сельских советов в СССР, где определялись новые начала в работе сельсовета как органа пролетарской диктатуры, как руководителя развернувшейся коллективизации сельского хозяйства и связанной с этим ликвидацией кулачества как класса.

Проведенная в 1930 г. ликвидация округов, превратившая район в ключевой пункт социалистического строительства в деревне, потребовала принятия такого Положения о сельских Советах РСФСР, которое бы полностью отвечало задачам советов реконструктивного периода. И такое Положение было принято 1 января 1931 г. Его принципиальным отличием от ранее существовавшего была сама постановка и определение основных задач сельсоветов. По Положению 1922 г. сельсовет, являясь органом власти в пределах объединяемой им территории, имел своими задачами поднятие крестьянского хозяйства, борьбу с невежеством, темнотой и другими неурядицами сельской жизни [1, с. 181–184]. Новое Положение определяло сельский совет уже в качестве высшего органа власти на объединяемой им территории, через который пролетариат проводит свою диктатуру, и который должен осуществлять мероприятия по социалистической перестройке сельского хозяйства и быта, участвовать в индустриализации страны, вести наступление на кулацкие и другие классово враждебные элементы, проводить ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, вести борьбу со всеми искажениями классовой пролетарской политики и т. д.

Насколько обеспечено было решение этой государственно-важной задачи кадровым составом сельских советов? Рассмотрим

данный вопрос на примере сельсоветов, действующих в первой половине 30-х гг. на территории Восточно-Сибирского края.

Одной из значительных проблем был сам процесс формирования – посредством выборов – данных органов. Как свидетельствуют факты, уже выборы 1930–1931 гг. (даже при сохранении института лишения избирательных прав) продемонстрировали трудности использования демократических процедур для создания на селе эффективно работающего, и при этом – беспартийного органа, через который «проходят все и всякие мероприятия по укреплению диктатуры пролетариата» [2, с. 33]. Так, например, в коммуне им. Калинина Кундулунского сельсовета Зиминского района были полностью провалены кандидаты, выдвинутые беднотой, и избран «чуждый элемент», ввиду чего состоявшиеся выборы были отменены сельизбиркомом. В качестве инициатора предосудительного демарша был назван продавец лавки потребкооперации, который «спаивал перед выборами крестьян и организовал против всех проводимых мероприятий на селе», за это привлеченный к суду и «получивший по заслугам» [3, л. 111]. Лишь проведенное уже после этого новое собрание избрало ранее намеченных, «социально близких», кандидатов. И подобные случаи были не единичны.

Однако в результате контроля и оперативного вмешательства вышестоящих органов в процесс выборов состав сельсоветов Восточно-Сибирского края оказался – прежде всего по социальным параметрам – более или менее удовлетворяющим предъявляемым к ним требованиям. Так, в 1932 г. в крае функционировало 1587 сельсоветов, среди председателей которых преобладали (что вполне объяснимо для сельсоветов, но существенно затрудняло выполнение ими роли органов «диктатуры пролетариата») крестьяне – 85,5 % (при этом не проводилась их дифференциация по имущественному положению), на втором месте оказались служащие – 8,1 %, и только 6,4 % составляли рабочие. Лишь 42,6 % председателей сельсоветов были членами ВКП (б). Образовательный уровень был крайне невысок: 98,1 % – с «низшим» образованием или «самоучки», и только 1,9 % – со средним. При этом 95,8 % председателей были мужчины [4, л. 2].

Частично «улучшение» классового состава сельсоветов достигалось за счет «выдвиженцев», как правило, работников промышленных предприятий, направляемых на руководящую работу в

деревню или в советские органы и организации. В 1931 г. на территории Восточно-Сибирского края в этом качестве работало (по неполным данным) не менее 98 человек, направленных в счет «25 000», «3 000» и «1 500», из которых 19 человек работали в должности председателей сельсоветов [5, л. 15–45]. При этом остаются открытыми вопросы: каким образом обеспечивалось избрание в сельсоветы абсолютно не известных избирателям людей и насколько соответствовали «выдвиженцы» – как правило, не имеющие опыта работы в сельском хозяйстве – занимаемым должностям?

Вторая проблема – текучесть кадров и низкая стабильность состава сельсоветов. Проблема, постоянно и на всех уровнях признаваемая и называемая в качестве одной из основных причин неэффективности деятельности низовых советских органов, но при этом не столько решаемая, сколько усугубляемая проводимой в отношении сельсоветов политикой. Наиболее распространенными методами руководства сельсоветами со стороны районного исполнительного комитета были, зачастую необоснованные, снятия и перемещения работников сельсоветов (табл. 1).

Таблица 1

Текучесть председателей сельских советов Восточно-Сибирского Края в 1932 г. (по 1427 сельсоветам) [4, л. 2–3]

Причины оставления должности председателя сельсовета	Кол-во	В % к общему кол-ву освобожденных от должности
Выбыли на учебу	76	18,3
На подготовку	67	16,2
«Продвинуты»	91	22
За искривление классовой линии	83	20
Как «чуждый элемент»	2	0,5
Нахождение под судом	63	15,2
«Перемещены» (без указания причин)	5	1,2
По болезни	5	1,2
Призваны на службу в армию	2	0,5
Иные причины	20	4,9
	414 (27% от общего числа председателей с/советов)	100

Частая смена лиц, характерная для сельсоветов в 1931–1933 гг., была способна свести на нет результаты любой деятельности и, вместе с тем, не дать возможности в полной мере проявить деловые и организационные качества. Очень показательной является ситуация, сложившаяся в сельсоветах Тулунского района в 1931 г. (табл. 2, 3), весьма самокритично объясняемая инструктором-информатором отсутствием планомерной работы по подготовке и помощи сельсоветам со стороны РИКа [6, л. 20 об].

Таблица 2

Частота сменяемости председателей сельсоветов
в Тулунском районе [6, л. 19 об]
(с 1 января 1931 г. по 1 января 1932 г.)

Работало без смены	в 6 с/советах	6 председателей	15,5%
Сменилось	в 12 с/советах	по 2 председателя	13,7%
Сменилось	в 8 с/советах	по 3 председателя	20,5%
Сменилось	в 9 с/советах	по 4 председателя	23,1%
Сменилось	в 2 с/советах	по 5 председателей	5,1%
Сменилось	в 2 с/советах	по 6 председателей	5,1%

Таблица 3

Частота сменяемости секретарей сельсоветов
в Тулунской районе [6, л. 20]
(с 1 января 1931 г. по 1 января 1932 г.)

По 1 секретарю	в 7 с/советах
По 2 секретаря	в 8 с/советах
По 3 секретаря	в 10 с/советах
По 4 секретаря	в 6 с/советах
По 5 секретарей	в 3 с/советах
По 7 секретарей	в 4 с/советах

Дестабилизации состава сельских советов способствовал и чрезвычайно широко используемый в этот период механизм отзыва избирателями их членов. Несмотря на то, что, согласно «Основным положениям об организации сельских советов в Союзе ССР» от 3 февраля 1930 г., для отзыва требовалось соответствующее волеизъявление не менее чем 40 % голосов избирателей данного участка, данный способ – явно не без стимулирования его различными административными ресурсами – применялся очень масштабно. В результате уже к 1933 г. только по 41 району Восточно-Сибирского края было отозвано 4178 депутатов с/советов.

Из них с формулировкой «классово-чуждых», «враждебно-настроенных», «проводящих кулацкую линию» – 667 человек, «за искривление классовой линии» – 248, «бездеятельность и неработоспособность» – 2991, «злоупотребление властью» – 272 [7, л. 7].

В результате проведенных в феврале–апреле 1933 г. довыборов новый состав с/советов был «укреплен лучшими активистами, ударниками-колхозниками и трудящимися-единоличниками». В числе доизбранных (5279 чел.): колхозников – 57,4 %, рабочих – 11,3 %, единоличников – 26,58 %, служащих – 4,3 % и кустарей – 0,42 %, в том числе партизан – 0,68 %. Повысилась активность женщин и участие их в работе с/советов. В эту отчетно-довыборную кампанию было 779 женщин и доизбрано депутатами в советы 1664 человека (32 % к общему числу доизбранных) [7, л. 8]. Но одновременно с этим обнаружилась тенденция снижения числа женщин – председателей сельсоветов: если в 1929–1930 гг. их было 110, в 1930–1931 гг. – уже только 49, к 1933 г. их количество сократилось до 42 [8, л. 1].

Однако ни довыборы, ни укрепление состава сельсоветов не смогли коренным образом изменить ситуацию с «текучкой»: в течение 1933 г. из 896 председателей, возглавлявших сельсоветы 40 районов края, выбыло 53,2 %, из 896 секретарей – 34,5 % [7, л. 15].

Дополнительным средством контроля над и без того не слишком значительной партийной прослойкой сельсоветов, но вместе с тем и еще одним фактором дестабилизации, стала партийная чистка 1933 г. В результате ее проведения по 68 районам края было исключено из партии и, соответственно, освобождено от занимаемой должности, 109 председателей с/советов [7, л. 22].

Третьей проблемой был крайне низкий образовательный уровень работников сельсоветов, что требовало активных действий со стороны вышестоящих органов власти. Начало этому было положено постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 февраля 1930 г., решением Президиума ВЦИК от 20 апреля 1931 г. «О единой системе подготовки и переподготовки кадров по советскому строительству». На работников сельских советов преимущественно были рассчитаны кратковременные (2- и 4-месячные) межрайонные курсы. Уже в 1931 г. подготовку на двухмесячных курсах прошли 720 человек, в 1932 – уже на четырехмесячных – 580 [4, л. 146]. В дальнейшем, к 1933 г., стационарные курсовые базы были размещены во всех крупных городах края – Иркутске, Красно-

ярске, Канске, Чите, Сретенске [9, л. 1]. Кроме того, предполагалось открытие целой сети районных курсовых точек в Киренске, Бодайбо, Нерчинском заводе, Туруханске. Благодаря такому увеличению количества курсовых баз уже в 1933 г. было намечено подготовить и переподготовить 1270 человек, а в 1934 г. – 1420, что, по оптимистическим прогнозам составителей данного плана, в течение двух лет в значительной степени должно было покрыть потребность в работниках сельсоветов [10, л. 151].

Однако реальные результаты подготовки работников сельсоветов существенно отличались от планируемых. Так, по всему Восточно-Сибирскому краю за 1934 г. было подготовлено только 80 председателей сельсоветов и 23 секретаря, за одиннадцать месяцев 1935 – соответственно 96 и 34 [11, л. 130].

При этом слушатели таких курсов, «хорошо» или «весьма хорошо» усвоившие программу, имевшие благоприятные социальные характеристики, как правило, не возвращались – пусть даже и с повышением – в сельсоветы, а рекомендовались для дальнейшей работы уже в районных советских органах. Это обстоятельство благоприятствовало карьерному росту отдельных перспективных работников сельсоветов, но, вместе с тем, превращало в хроническую ситуацию достаточно низкого квалификационного и образовательного уровня кадрового состава сельсоветов. Сложное положение дополнительно усугублялось фактами использования выпускников курсов советского строительства, рекомендованных на работу в сельсоветы, не по назначению [12, л. 90].

Четвертой проблемой было материальное положение работников сельсоветов, которое на протяжении всего рассматриваемого периода оставалось крайне неудовлетворительным.

Так, в 1931 г. средние оклады председателей сельсоветов Восточно-Сибирского края (в зависимости от тарифного пояса и количества населения, проживающего на территории сельсовета) колебались от 38 до 60 руб. в месяц. В несколько лучшем положении оказывались выдвиженцы, которым – сверх установленного оклада – за счет бюджета сельсовета производились доплаты до их среднего заработка по предыдущему месту работы, откуда они были выдвинуты [5, л. 4, 6–9, 12, 14].

В 1933 г., согласно штатному расписанию, председатели сельсоветов имели оклады 61–65 руб., секретари и счетоводы – 52–54 руб. [13, л. 20]. Проблема мизерности окладов работников сельсо-

ветов приобрела в этот период общегосударственное значение. В центральных государственных органах вопрос о материальном положении советских работников низового звена поднимался неоднократно. Востсибкрайком ВКП (б) и Крайисполком также были завалены жалобами с мест на нетерпимое положение низовых советских работников. В частности, отсутствие снабжения продуктами питания называли в качестве одной из главных причин самовольного оставления работы [7, л. 15]. В ряде случаев авторы подобных жалоб переводили эту проблему в политическую плоскость: «Отказ от снабжения председателей и секретарей сельсоветов со стороны Крайснаба считаю вредительством, направленным на разложение низового сельского аппарата» [7, л. 18]. Результатом этого было принятие постановления ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1933 г. В соответствии с ним ставки работников сельсоветов повышались в два раза: председателю – от 100 до 200 руб., секретарю – от 80 до 160 руб. (цит. по: [14, с. 162–175]). Но даже двойного повышения оказалось явно недостаточно для нормального существования людей. Так, 14 из 18 председателей сельсоветов Читинского района уже после повышения окладов, в 1934 г., получали лишь по 100 руб., что, по предварительным расчетам, составляло менее половины дохода ударника-колхозника, проживающего на территории этих же сельсоветов. «В связи с этим сейчас есть целый ряд заявлений от председателей сельсоветов <...>, которые просят об отпуске их на учебу или производственную работу <...>. Ясно, что к таким ходатайствам их больше вынуждает чрезвычайно неудовлетворительное положение и материальная необеспеченность» [15, л. 30–31].

К 1935 г. ситуация с кадрами сельсоветов несколько стабилизировалась (табл. 4). Однако значительная часть выявленных в предшествующие годы проблем – в частности, низкий образовательный и квалификационный уровень работников и в ряде случаев именно с этим связанная невозможность осознанного и самостоятельно осуществления сельсоветами своих полномочий, отсутствие конструктивной помощи со стороны РИКов, материальное обеспечение, неадекватное ни объему, ни степени ответственности выполняемой работы и, тем самым, лишшающее ее необходимого престижа в глазах населения – так и не нашли своего разрешения в два ближайших десятилетия.

Таблица 4

Состояние сельсоветов Восточно-Сибирского края в 1935 г. [11, л. 14]*

		Председатели с/советов	Зам. председателей	Секретари	Счетоводы
По штату		679	51	674	273
Имелось на 1.01.1935		679	46	650	231
В т. ч. женщин		19	1	53	31
Предст. корен. народ.		5	3	6	1
Прибыло за второе полугодие 1935 г.		92	8	99	56
Выбыло за втор. полугодие 1935 г.	всего	92	9	101	59
	«снято за искр. кл. линии и по др. порокам причинам»	53	1	20	6
Образование	высшее	0	0	0	0
	среднее	4	0	11	8
	низшее	657	45	42	220
	«прошедшие подготовку по сов. строительству 3 мес. и выше»	95	1	35	13
Партийность	Чл. ВКП (б)	227	4	6	4
	ВЛКСМ	74	7	42	17
Соц. положение	рабочие	68	3	27	4
	колхозники	479	36	435	156
	служащие	132	6	186	63
Стаж работы в данной должности	до 1 года	217	29	275	120
	от 1 до 2 лет	273	10	196	70
	от 2 до 5 лет	156	1	138	22
	свыше 5 лет	33	0	16	7
Работают с момента выбора советов (1934 г.)		417	17	250	62

*К этому моменту в Крае, вследствие территориально-административных изменений, связанных с выделением из его состава Красноярского края и Читинской области, осталось 46 районов и 932 с/совета. Сведения приводятся по 35 районам и 679 с/советам

Литература

1. Положение о сельских Советах от 26 января 1922 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. Отд. 1. - 1922. - № 10. - Ст. 93.
2. Сталин И. В. К вопросу ленинизма // Собр. соч. / И. В. Сталин. - М., 1948. - Т. 8.

3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИ-ИО). Ф. 123. Оп. 2. Д. 11.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО) Ф. р-600. Оп. 1. Д. 718.
5. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 430.
6. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 717.
7. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 1006.
8. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 1235. Оп. 10. Д. 13.
9. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 739.
10. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 1008.
11. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 1671.
12. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 1026.
13. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 1274.
14. Винниченко О. Ю. «Кадры решают все»? Проблемы эволюции советской бюрократии 1930-х годов : на материалах Урала // Изв. вузов. Правоведение. – 2002. – № 2 (241).
15. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 1287.

ОЛЕЙНИКОВ И. В.

**ФАКТОР «МЯГКОЙ МОЩИ» В ОБУЧЕНИИ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ НА ПРИМЕРЕ
ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
(КОНЕЦ 1970-х – 1980-е ГГ.)**

В течение первого десятилетия XXI в. в работах ряда зарубежных исследователей все более рельефно стали проявляться идеи, связанные с продвижением национальных интересов государства на международной арене посредством инструментов «мягкой мощи» («soft power») [1]. Данный термин был введен в научный оборот американским политологом Дж. Наем. Согласно его теории, «soft power» представляет собой непрямой способ приложения силы, возможность достижения желаемой цели посредством создания привлекательных образов, а не традиционным путем использования жестких методов силового принуждения и финансовых вливаний («hard power»). Корни «мягкой мощи» берут начало в притягательности культуры проецирующего ее государства, значимости его идеалов, реализуемого политического курса, благодаря которым государства-реципиенты попадают в сферу влияния более привлекательного актора. Эффект от воздействия «мягкой силы» сказывается на политической ситуации постепенно, неявно, а на достижение желаемого результата могут уйти долгие годы. Согласно концепции американского исследователя, главным конкурентом Соединенных Штатов в